

18+

Анастасия Кузнецова

Наследники пепла

Анастасия Кузнецова

Наследники пепла

«Издательские решения»

Кузнецова А.

Наследники пепла / А. Кузнецова — «Издательские решения»,

Августовская ночь на старом пирсе должна была стать концом долгой истории. Пятеро друзей, общее прошлое и горький тост за того, кого больше нет. То, что начиналось как дань памяти и безобидная практика магии, превратилось в кровавый капкан. Среди тех, кому Ева привыкла доверять, спрятался убийца. Граница между другом и палачом стирается, городские огни кажутся бесконечно далекими, а круг свечей превращается в мишень.

© Кузнецова А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наследники пепла

Анастасия Кузнецова

© Анастасия Кузнецова, 2026

ISBN 978-5-0070-3491-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Старый бетонный пирс, изъеденный солью и временем, уходил в темноту, как дорога в никуда. Когда-то здесь швартовались рыбацкие шхуны, пахло смолой и свежей рыбой. В этом году август выдался душным: воздух, пропитанный йодом и гниющей тиной, застыл неподвижным пластом, и даже море внизу не приносило прохлады, оно лениво ворочалось, разбиваясь о сваи с тяжелым вздохом. Где-то далеко, за линией горизонта, ворочались грозовые фронты, но до города им было не добраться, небо над пирсом оставалось чистым и равнодушным, как взгляд мертвеца.

Ева перевела взгляд на свои руки, лежащие на коленях. На безымянном пальце правой руки блеснуло тонкое серебряное кольцо, подарок бабушки, которое она носила не снимая. Она машинально повернула его вокруг пальца, чувствуя гладкий, нагретый металл.

В центре пирса дрожал неровный круг света. Дюжина свечей в пыльных бутылках из-под дешевого бурбона отчаянно боролась с наступающим мраком. Стекло бутылок было покрыто слоем сажи и застарелой грязи, горлышки обгорели, почернели, а воск натеками стекал по бокам, застывая неровными сталактитами. Пламя то и дело пригибалось к самому воску, словно чья-то невидимая рука пыталась его задушить, а затем снова вытягивалось, отбрасывая на бетон длинные, изломанные тени.

Молчание, осевшее на пирсе обладало весом, плотностью и едким привкусом железа. Оно давило на плечи, заставляя каждого присутствующего сутулиться сильнее, чем обычно. Это была тишина затянувшейся петли, которая медленно затягивалась на пяти шеях сразу.

Ева поймала на себе взгляд Марка. Он сидел напротив, поджав одну ногу под себя. В его темных глазах, подсвеченных снизу синим пламенем свечей, плясали маленькие язычки огня. Она первая отвела взгляд, уставившись в пол, где у её ног лежала тень, неестественно вытянутая и искажённая.

Каждый из них смотрел в свою сторону, но видел одно и то же: пустое пространство между Марком и Эммой. Там, где ровно год назад стоял Джек. Его отсутствие ощущалось физически, как сквозняк в наглухо запертой комнате или как фантомная боль в ампутированной конечности. Им не хватало его резкого смеха, запаха его дешевых сигарет и того дурацкого оптимизма. Без него они казались случайными прохожими, которых насильно удерживал вместе этот трещащий на ветру огонь.

Эмма нервно теребила тонкую серебряную цепочку на шее, на ней висел маленький кулон в виде сердечка, когда-то подаренный Джеком. Металл потускнел от времени и прикосновений, на гладкой поверхности остались мельчайшие царапины. Пальцы её скользили по цепочке, перебирая звенья, задерживаясь на замке, снова возвращаясь к сердечку.

Лиам не выдержал первым. Тишина для него всегда была предвестником катастрофы. Его пальцы, мелко дрожащие, вцепились в горлышко бутылки. Он запрокинул голову, и кадык заходил ходуном, пока дешевое вино жгло горло. Лиам пил жадно, захлебываясь, словно пытался утопить в этом терпком соке свой страх. Осушив бутылку до половины, он нетвердой походкой подошел к самому краю, где бетон крошился под ногами, осыпаясь в бездну мелкими камушками. Его долговязая, худая фигура в выцветшей майке казалась совсем незащитной на фоне огромного черного неба.

— За тебя, дружище, — выдохнул он в темноту.

Он перевернул бутылку, и остатки темной жидкости потекли вниз, сливаясь с чернотой моря. А затем, выкрикнув что-то нечленораздельное, замахнулся и со всей силы швырнул стекло вглубь. Бутылка перевернулась в воздухе несколько раз, поймав блик от далёкой звезды, и ушла под воду с глухим, прощальным бульканьем.

Ева не сводила глаз с того места, где тьма сомкнулась над стеклом. По черной поверхности пошли круги, безупречные, геометрически правильные кольца, которые медленно расползались вширь, пока не разбились о склизкие сваи пирса. В горле пересохло так, будто она наглоталась того самого морского песка, что покоился на дне.

Лиам опустился на край, опасно свесив ноги в пустоту. Бетон под ним осыпался, и несколько камешков полетели вниз. Его движения были рваными, лишенными координации. Внезапно он запрокинул голову и закричал дико, надрывно, вкладывая в это «Эхэээй!» захлебывающееся отчаяние. Влажный соленый ветер подхватил его пшеничные, вечно растрепанные волосы, превращая их в золотистый ореол. Звук улетел в пустоту горизонта и не вернулся. Раскинув руки в стороны, Лиам замер, похожий на нелепое, подбитое распятие на фоне бескрайней ночи.

Эмма поднялась со своего места, неловко, едва не зацепив одну из свечей подолом платья, и медленно побрела к краю, опустилась на бетон рядом с Лиамом и склонила голову, доверчиво опустив ее на плечо друга. Она протянула ему новую бутылку, едва коснувшись его пальцев своими холодными и липкими от пролитого вина. Стекланный бок бутылки тускло блеснул, поймав последний умирающий огонек ближайшей свечи. Было заметно, как Эмма мелко, едва уловимо дрожит, всем телом прижимаясь к его плечу.

Ева сдавила ладонями голову, чувствуя, как в висках начинает пульсировать тяжелая, вязкая кровь. Каждое движение Лиамы, каждый всполох волос Эммы отдавались в ее голове болью. Опершись на дрожащие руки, она медленно поднялась на ноги. Пальцы нащупали на ткани джинсов острые крошки раскрошенного бетона; она стряхнула их нервным, резким движением.

Холодные, грубые пальцы скользнули по её запястью. Она узнала это прикосновение, жёсткое, требовательное, с шершавыми мозолями на подушечках. Ева одернула руку и сделала шаг назад, увеличивая дистанцию между ними.

— Всё нормально? — Марк чуть склонил голову и прищурился. Свет свечей упал на его лицо, высветив свежий шрам над левой бровью.

— Я пойду, — прозвучало тихо и совершенно неуверенно, почти как просьба о помиловании.

— Нет.

Голос Марка разрезал пространство, как скальпель. Он поднялся следом, выпрямляясь во весь свой внушительный рост. Ева вскинула голову, встретив его взгляд, в котором застыла холодная непоколебимость. На мгновение ей стало страшно, но страх тут же перерос в жгучее раздражение. Она мотнула головой, пытаясь отогнать его влияние, резко развернулась и пошла прочь, в сторону берега, где огни города обещали хоть какую-то нормальность.

Она успела сделать лишь несколько шагов, прежде чем тяжелые шаги за спиной настигли ее. Марк догнал ее в два счета, его ладони железными тисками легли ей на плечи.

— Руки убери, — выплюнула она, не оборачиваясь, но чувствуя затылком его тяжелое дыхание и запах озона, исходящий от его коротко стриженных, темных волос.

Она хорошо помнила его привычку: брать силой там, где не получается договориться. Девушка дернула рукой, пытаясь высвободиться из его хватки. Но Марк только крепче сжал пальцы железным кольцом, которое сдавило запястье до хруста.

— Мне больно, Марк!

— Вернись назад, — его тон не терпел возражений, он не просил, он диктовал условия. — Мы уйдем отсюда вместе.

В груди у Евы болезненно защемило от гнева, от бессилия и от той странной, ломаной привязанности, которую она всё еще испытывала к этому человеку. Она резко дернула плечом, сбрасывая его руку, и, не сказав больше ни слова, быстрым, почти бегущим шагом вернулась обратно в круг свечей. Она села на прежнее место, нервно поправив выбившиеся каштановые

пряди из тугого пучка. Несколько волосков выскользнули из резинки и упали на лицо, прилипнув к влажным губам.

Том поднялся бесшумно, словно тень, отделившаяся от бетонного полотна. Он наклонился и взял одну из свечей; пламя на мгновение лизнуло его пальцы. Марк, словно связанный с ним невидимым тросом, последовал за другом, возвышаясь над кругом света мрачной громадой.

Эмма толкнула Лиама в бок, чтобы привести его в чувство. Тот вздрогнул, моргнул, стряхивая с себя пьяное оцепенение, и неловко поднялся, едва не пошатнувшись на самом краю. Один за другим они брали в руки свои огни, превращаясь в призрачное шествие на костях старого пирса. Ветер сдувал копоть им прямо в глаза, но никто не морщился, послушно занимая свое место в этой процессии скорби.

Она ненавидела это чувство. И одновременно жаждала его. Ева чувствовала, как холодок зарождается где-то в солнечном сплетении, растекается по рёбрам, спускается в кончики пальцев.

Сжав челюсти, она поймала на себе взгляды четырех пар глаз. Шумно выдохнув, протянула руку к стоящей рядом свече, та плавно оторвалась от земли и легла девушке на ладонь. Она медленно поднялась, чувствуя, как магия привычным холодом оседает в костях, сделала шаг вперед и встала в разрыв между Эммой и Лиамом, замыкая цепь. Пять фигур на краю бездны теперь образовали идеальную линию, и в этот момент пульсация в висках Евы совпала с ритмом прибора.

Том заговорил первым. Его голос изменился: стал низким, многослойным, будто говорили сразу несколько человек. Это был язык, лишенный гласных, состоящий из шипения пены и скрежета камней, наречие, которое они нашли в тот день, когда нашли силу. Слова срывались с его губ и тяжелыми каплями падали в тишину. В неверных отблесках свечей лицо Тома казалось неживым, восковым; его тонкие губы едва шевелились, а вечно опущенные плечи вдруг расправились, делая его пугающе высоким. Светлые, глубоко посаженные глаза теперь походили на две бездонные воронки, в которых бесследно исчезал свет пламени. Лиам, всё еще бледный и дрожащий, перестал раскачиваться. Его взгляд остекленел, и он подхватил шепот, добавляя к нему лихорадочный, рваный ритм.

Воздух вокруг них стал плотным, как кисель. У Евы перехватило горло, словно невидимая петля затянулась на шее, но вместо страха она ощутила странный, почти запретный восторг. Пламя свечей, до этого мирно горевшее, забилося в конвульсиях. Огоньки всколыхнулись, меняя цвет с золотого на мертвенно-бледный, почти синий. Ветер, только что просто холодный, окончательно рассвирепел, завыл в щелях пирса, бросая в лица горсти соленых брызг и пытаясь сбить их с ног, словно само море хотело стащить их вниз.

Ева почувствовала, как кончики пальцев начинают покалывать, сначала едва заметно, как после долгого сидения на онемевшей ноге. А затем эти крошечные удары тока побежали выше, по запястьям, по локтям, разветвляясь под кожей, как корни сорной травы.

Эмма зажмурилась. Рыжие волосы хлестали её по щекам, но она не шевелилась. В короткой паузе между порывами ветра её голос прозвучал удивительно чисто и хрупко, как хруст тонкого льда:

— Спи спокойно, Джек.

Пламя пяти свечей синхронно вскинулось вверх, вытягиваясь длинными, ослепительными иглами высотой в полметра, освещая их лица резким, безжалостным светом. А затем, в едином ритме одномоментно потухли.

Тьма, упавшая на пирс, была такой густой, что казалась осязаемой. Они уходили, не зажигая фонарей, ведомые лишь инстинктом и невидимым давлением за спиной. Никто не оглядывался. Никто не решался нарушить тишину, словно любое слово могло разрушить хрупкую

стену, которую они только что возвели между собой и тем, что осталось в воде. Слышны были лишь глухие шаги по бетону и тяжелое, неритмичное дыхание Лиамы.

Только когда под ногами закрипел песок, а впереди забрезжил желтоватый свет уличных фонарей, отмечающий границу между пляжем и городом, оцепенение начало спадать. Цивилизация встретила их гулом далеких машин и привычным запахом асфальта.

Эмма ускорила шаг и подошла к Еве. Она теребила край своего платья, пытаясь вернуть себе привычную манеру кокетничать, но пальцы ее все еще дрожали.

— Мы завтра собираемся в сторожку, — девушка заглянула подруге в лицо.

Ева ответила коротким, безразличным кивком, глядя куда-то сквозь нее.

— Ты с нами?

— Нет, у меня дела, — отрезала Ева, не замедляя шага.

— Да брось, пошли с нами! — Эмма порывисто схватила ее под руку, на мгновение возвращая в их мрачный мир искру прежней теплоты. — Мне очень не хватает тебя. Наедине с этими придурками не так уж и весело.

— Эй, кто тут придурок? — отозвался шедший чуть позади Лиам.

Эмма обернулась и, прищурившись, одними губами проговорила: «Ты».

Лиам, не раздумывая, подскочил к ней и подхватил на руки. Сквозь тонкую ткань майки проступили его острые лопатки и тугие, как жгуты, жилы на руках. Эмма взвизгнула, забилась, пытаясь вырваться, пока он кружил ее на залитом светом пяточке у начала набережной. Ее смех и крики звучали странно, слишком громко, слишком нормально для людей, которые пять минут назад стояли в кругу мертвенно-синего пламени. Этот смех резал слух, как скрежет железа по стеклу.

Ева не остановилась. Она зашагала дальше, вглубь освещенных кварталов, стремясь как можно скорее смыть с себя запах соли и воска. Марк поравнялся с ней почти бесшумно. Его присутствие ощущалось как тяжелая тень, от которой невозможно избавиться.

— Хочешь ты этого или нет, мы связаны, — произнес он, не глядя на нее, но Ева каждой клеткой кожи чувствовала его напор. — У тебя не получится постоянно нас избегать.

— По-моему, неплохо получается, — бросила она, не поворачивая головы. Голос ее был сухим и острым, как осколок того самого стекла, что Лиам швырнул в море.

Марк усмехнулся, сократил дистанцию, его рука стальным кольцом сомкнулась на её локте, заставляя остановиться. Он притянул Еву ближе, почти вплотную, так что она кожей почувствовала холод, исходящий от его куртки. Свободной рукой он медленно, пугающе бережно заправил за ухо выбившуюся из пучка прядку. Его пальцы, всё ещё пахнущие озоном и жжёным фитилем, едва коснулись её кожи.

Он пристально всматривался в её лицо, сравнивая с собственными воспоминаниями. Обычно её светлые глаза меняли оттенок, как морская вода: то отдавали холодной голубизной, то становились серыми, как предгрозовое небо. Но сейчас, под его тяжелым взглядом и в тени городских кварталов, они казались совсем темными.

Том, поравнявшийся с ними, остановился рядом, засунув руки в карманы и равнодушно глядя на городские огни, будто не замечал возникшего между ними напряжения.

— Я провожу Еву, — бросил Марк, не оборачиваясь и не выпуская её руки. — Встретимся завтра.

Том коротко и едва заметно кивнул. Тонкие губы шевельнулись, будто он хотел что-то добавить, но передумал. Его лицо в свете фонаря оставалось непроницаемым, как чистый лист пергамента. На мгновение электрический свет выхватил его черты: неестественно светлые, почти платиновые волосы вспыхнули холодным нимбом, а прозрачные голубые глаза сверкнули, как два осколка льда. Не сказав ни слова, он развернулся и зашагал дальше по тротуару, его силуэт быстро растворялся в городском мареве, оставляя их вдвоем на границе света и тени.

Ева чувствовала, как локоть горит под хваткой Марка. Она посмотрела вслед уходящему Тому, понимая, что её единственная возможность избежать этого разговора только что скрылась за углом. Марк не двигался, ожидая, когда она снова посмотрит на него, и эта тишина между ними была гораздо опаснее той, что царила на пирсе. Он подался вперед, сокращая последние сантиметры между ними. Его движения были ленивыми, почти кошачьими. Он склонился и коротким, подчеркнуто нежным жестом коснулся губами её лба.

Ева раздраженно поморщилась, будто от укуса насекомого, и резко уперлась ладонями ему в грудь. Ткань его куртки под пальцами была жесткой и холодной, но под ней она ощутила ровное, пугающе спокойное биение сердца.

Ева почувствовала, как его горячее дыхание, с горьковатым запахом табака и того самого вина, которое пил Лиам, обожгло кожу. Она зажмурилась, чтобы не видеть его глаз.

— Перестань, — процедила она, с силой отталкивая его. Её ладони замерли на его груди, и она почувствовала, как напряглись мышцы.

Марк послушно отшатнулся, вскидывая руки ладонями вперед в притворном жесте капитуляции. На его губах заиграла самоуверенная усмешка.

— Ладно, ладно, — он насмешливо прищурился, глядя на её пылающие от гнева щеки. — Слишком много эмоций для одной ночи, я понял. Пошли.

Он кивнул в сторону жилых кварталов и зашагал первым, не дожидаясь, пока она двинется с места. Марк шел вразвалку, снова сократив их отношения до уровня вынужденного соседства, словно этого двусмысленного прикосновения секунду назад и не было.

Они шли молча, пока гул набережной не окончательно не сменился тихим шелестом листвы в жилых кварталах. Марк засунул руки в карманы, идя чуть впереди, но внезапно притормозил и, не оборачиваясь, спросил:

— И какие планы? Дальше, я имею в виду. После лета.

Ева неопределенно махнула рукой, стараясь, чтобы ее голос звучал максимально буднично.

— В конце августа уезжаю в соседний город. Меня приняли в колледж, документы уже поданы.

Марк резко остановился, заставив и ее замереть посреди тротуара, повернулся к ней, прищурив глаза так, будто пытался разглядеть в ней что-то, чего раньше не замечал. Свет от ближайшего фонаря падал ему на лицо, рисуя резкие, чужие тени.

— Колледж, значит? — он сделал паузу, его губы тронула холодная усмешка. Он медленно вытащил руки из карманов и скрестил их на груди, словно физически закрываясь от ее слов.

Он перевел взгляд в сторону, на темные окна домов. Ева заметила, как сильно он изменился за этот год: под глазами залегли тени, на лбу появилась едва заметная складка, которой раньше не было.

— Выходит, у меня осталось не так много времени. — Он подмигнул, лениво усмехнувшись.

Ева громко цокнула языком и скривилась, закатив глаза. Она демонстративно обошла его, задев плечом рукав его куртки, и зашагала быстрее.

Они дошли до ее улицы. До дома оставалось всего несколько метров, желтый свет над крыльцом уже выхватывал их силуэты из тени. Марк сделал резкое движение вперед, занося руку, чтобы снова схватить её за плечо или локоть, но в последний момент что-то заставило его передумать. Он осекся, его пальцы на мгновение зависли в воздухе, после чего он медленно опустил руку.

— До завтра, Ева, — он растянул губы в широкой, слишком белой улыбке, которая не предвещала ничего хорошего.

— Я не приду, у меня дела, — вновь повторила она, чеканя каждое слово.

Не дожидаясь ответа, девушка развернулась и зашагала в сторону крыльца. Каблуки её ботинок стучали по асфальту, и этот звук казался ей единственным барьером, отделяющим её от тяжелого взгляда, который она всё еще чувствовала своей спиной. Она уже взялась за ручку двери, когда услышала его негромкий, почти весёлый голос:

— Увидимся в два, Ева!

Звук захлопнувшейся двери в сонной тишине дома прозвучал как выстрел. Ева замерла, вжимаясь спиной в холодное дерево и затаив дыхание. Она чутко прислушалась: не скрипнет ли кровать в родительской спальне, не послышатся ли тяжелые шаги отца. Но в доме было тихо, лишь мерно тикали часы на кухне.

Сбросив обувь, она на цыпочках бросилась вверх по лестнице. На каждой ступеньке руки дрожали всё сильнее, и ей приходилось вцепляться в перила, чтобы не выдать себя лишним шумом. Оказавшись в своей комнате, она первым же делом дважды провернула ключ в замке. Короткий щелчок принес на мгновение призрачное чувство безопасности. Ева дернула за ручку раз, еще раз, проверяя. Заперто.

Сил дойти до кровати не хватило. Она сползла вниз по двери, оседая на пушистый серый прикроватный коврик. Дышать стало трудно. Вдох короткий, рваный, будто воздух натывается на стену в груди и не может пройти дальше. Выдох судорожный, с хрипом. Она зажмурилась, услышала, как сердце колотится в ушах.

В груди ныло и щемило, как будто туда залили тот самый холодный бетон с пирса. Перед глазами всё еще стояли синие иглы пламени и усмешка Марка. Его пальцы, сжимающие её запястье, оставили на коже красные следы, которые всё ещё побаливали. Ева сжала кулаки, ногти впились в мягкую кожу ладоней, причиняя резкую, отрезвляющую боль. Она продолжала сжимать, до тех пор пока в руках не появилось болезненное, горячее покалывание.

Девушка вздрогнула всем телом, когда половица под ковром издала едва слышный скрип. За последний год этот рефлекс стал её второй кожей. Она вздрагивала от резкого хлопка автомобильной двери на улице, от внезапного взгляда прохожего, даже от собственного отражения в витринах, если свет падал слишком резко. Нервы были обнажены, как провода под током, и любая мелочь высекала искру. Каждый шорох ночного дома казался ей шагами покойного Джека.

Она прижала сжатые кулаки к губам, пытаясь выровнять дыхание, но мысли, которые она так старательно заталкивала в самые темные углы сознания, хлынули наружу, прорывая все плотины.

Как бы она ни пыталась выбросить это из памяти, как бы ни убеждала себя, что это был несчастный случай или злой рок, ложь больше не работала. Она не могла избавиться от жгучей, отравляющей мысли: это они убили Джека. Своими руками, своими голосами, своей ненасытной тягой к тому, чего не понимали.

Глава 2

Кухня была залита утренним солнцем, отчего белые занавески казались ослепительными. Запах свежесваренного кофе и поджаренных тостов сегодня казался удушливым. Ева сидела за столом, гипнотизируя взглядом тарелку с овсянкой. В правой руке она сжимала ложку, но так и не поднесла её ко рту. На указательном пальце левой руки темнело маленькое чернильное пятно, она не заметила, когда посадила его, перебирая вчера старые тетради. В голове до сих пор стоял шум прибоя и странный, вибрирующий шепот, который она слышала во сне всю ночь.

— Ева, ты нас вообще слышишь? — голос матери прозвучал мягко, но в нём уже проскальзывали нотки беспокойства.

Девушка вздрогнула, ложка звякнула о край тарелки. Она подняла глаза: мама застыла с кофейником в руках, а отец, оторвавшись от планшета, внимательно смотрел на дочь поверх очков.

— Прости, мам. Я просто... задумалась. О чём ты?

— О документах, дорогая, — вздохнул отец, откладывая гаджет в сторону и устало потирая переносицу. — Ты вчера говорила, что нужно распечатать подтверждение из колледжа. Мы с матерью хотели обсудить жильё. Если ты едешь в конце августа, нам нужно внести залог за общежитие или квартиру уже на этой неделе. Ты проверяла почту? У нас есть пара вариантов: и общежитие при кампусе, и отдельная студия недалеко от парка. Но решать надо быстро, хорошие варианты разбирают.

— Да... да, конечно, — соврала Ева. На самом деле она не открывала почту три дня. Входящие письма от учебного заведения казались ей посланиями из какой-то параллельной, невозможной жизни. — Там всё в порядке. Я проверю ещё раз после завтрака.

— Ты какая-то бледная в последнее время, — мама присела напротив, накрыв ладонь Евы своей теплой рукой. — Может, стоит пропить витамины? Или это всё из-за этих прогулок с ребятами? Ты вчера вернулась очень поздно. Снова были на побережье?

При упоминании побережья у Евы внутри всё сжалось. Она почувствовала, как ладони начинают предательски потеть. «Они знают» — промелькнула дикая, иррациональная мысль, но она тут же её отогнала. Родители ничего не знали. Для них это была просто компания старых друзей, переживающих общую потерю.

— Мы просто гуляли, — Ева аккуратно высвободила руку, делая вид, что поправляет волосы. Пальцы скользнули по затылку, и она нащупала маленький узел, волосы спутались за ночь. — Обсуждали планы на лето. Ничего особенного.

— Ты должна радоваться, — подбодрил отец. — Новый город, новые люди. Это шанс оставить всё... тяжёлое здесь. Начать с чистого листа.

Ева кивнула, натянув на лицо подобие улыбки. «Чистый лист» — подумала она. Краем глаза она заметила, как мама переглянулась с отцом, короткий, быстрый взгляд, полный родительского беспокойства, которое невозможно подделать. Перед глазами вновь всплыл образ Марка, его прищуренный взгляд и слова о том, что у него «не так много времени».

— Я пойду к себе, — она отодвинула нетронутую тарелку. — Нужно собрать бумаги.

— Но ты почти ничего не съела! — крикнула мама ей в спину. В ее голосе прозвучала та беспомощная обида, которую чувствуют все родители, когда их взрослые дети начинают запирать перед ними двери.

Ева не ответила. Она почти бегом поднялась по лестнице, чувствуя, как стены дома давят на неё. Ей нужно было увидеть письмо из колледжа. Ей нужно было убедиться, что дверь в ту, другую жизнь ещё открыта. Но стоило ей сесть за стол и открыть ноутбук, как взгляд упал на ладони. Кожа всё ещё хранила фантомное ощущение пальцев Марка.

Думать о Марке хотелось меньше всего, мысли о нём ощущались как прикосновение к открытому нерву. После вчерашнего его наглый тон и это бесцеремонное «увидимся в два» вызывали в ней смесь ярости и глухого, бессильного отчаяния. Но где-то под этим слоем злости, глубоко в памяти, жил другой Марк.

Тот Марк из прошлого года, до того, как пирс и синее пламя разрушили всё. Ева невольно вспомнила один из вечеров в начале прошлого лета: они сидели на капоте его машины, и он обнимал её, тогда ещё просто, без этого подтекста владения и силы. В тех объятиях было тепло и обещание чего-то светлого. Она помнила каждую царапину на его пальцах, каждую мозоль. Сейчас это воспоминание вызывало лишь едкое, удушливое сожаление. Казалось, тот Марк погиб вместе с Джеком, а на его месте остался этот хищный двойник.

Ева с силой захлопнула ящик стола и открыла ноутбук. Экран мигнул, ослепляя её синеватым светом.

«Уважаемая Ева Миллер! Мы рады сообщить вам о зачислении...»

Она пробежала глазами по строчкам. Соседний город. Другая жизнь. Всё это выглядело как декорация к фильму, в котором она больше не играла главную роль. Письмо было реальностью, но оно не приносило облегчения.

Ева попыталась заняться делами: распечатала пару бланков, начала перебирать одежду в шкафу, решая, что возьмёт с собой. Но сосредоточенность таяла с каждой минутой. В комнате было слишком тихо, и в этой тишине навязчивый, зудящий зов становился почти физически ощутимым.

— Я не пойду, — твердо произнесла она в пустоту комнаты. Слова повисли в воздухе, никем не услышанные. Даже она сама не поверила в них.

Ева взяла книгу и заставила себя прочесть страницу. Пальцы машинально теребили угол страницы, загибая его и разгибая обратно. Бумага стала мягкой и влажной от прикосновений. К концу абзаца она поняла, что не запомнила ни слова. Внутренний компас неумолимо разворачивал её в сторону сторожки. Это было похоже на жажду или на нехватку кислорода, чем дольше она сопротивлялась, тем невыносимее становилось находиться в четырех стенах.

Схватив куртку с кровати, Ева даже не посмотрела в зеркало. Она выскочила из комнаты, стараясь не шуметь, чтобы не привлекать внимание родителей, и почти бегом спустилась по лестнице. На нижней ступеньке она зацепилась носком ботинка за коврик, чуть не упала, выругалась сквозь зубы. Коврик съехал, обнажив грязный угол паркета. Каждый шаг к выходной двери отзывался странным, болезненным облегчением. Цепь натянулась до предела, и Ева, в очередной раз проклиная себя, пошла туда.

Дверь сторожки поддалась с тяжелым, натужным скрипом, который, казалось, разнесся по всему лесу. Ева замерла на пороге, щурясь от полумрака, царившего внутри. После яркого дневного солнца помещение казалось набитым серыми тенями, которые лениво шевелились в углах, словно живые существа.

— На три минуты позже, чем я рассчитывал, — раздался из угла низкий голос Марка.

В центре комнаты за грубо сбитым столом уже сидели Том и Эмма. Том даже не поднял головы, он был полностью поглощен гремуаром, его аристократично-бледное лицо в свете единственной свечи казалось восковой маской. Его тонкий, заострившийся нос почти касался пожелтевших страниц, а выцветшие, почти прозрачные глаза лихорадочно бегали по строчкам. Он перелистывал страницы с пугающей небрежностью, быстро, но без единого лишнего движения, будто знал наизусть расположение каждой буквы. Эмма же, напротив, тут же вскинулась, заведя силуэт подруги.

— Пришла! — выдохнула Эмма, и в её голосе было столько восторженного облегчения, что Еве стало тошно. — Садись быстрее, Том нашел то, что нам нужно.

Лиам сидел чуть поодаль, на старом сундуке. Он выглядел паршиво: лицо серое, под глазами залегли тени, а пальцы беспрестанно теребили зажигалку. Он кивнул Еве, но взгляд его был пустым, словно он уже заранее смирился с тем, что сейчас произойдет.

Марк отделился от стены и подошел к ней. Он остановился так близко, что Ева почувствовала исходящий от него магический холод, который всегда предвещал начало их «практики».

— Мы ждали только тебя.

Ева молча прошла к столу, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел. Она ненавидела себя за то, что сейчас сядет рядом с ними. Ненавидела Марка за его уверенность. Но стоило ей увидеть раскрытую страницу книги с непонятными, пульсирующими знаками, как страх начал сменяться знакомым, пугающим азартом, от которого невозможно было исцелиться. Как привязанность к яду, который по капле сжигает внутренности, но без которого ты уже не представляешь своей жизни.

— Начинаем, — сухо бросил Том, и в тишине сторожки звук его голоса прозвучал как щелчок взведенного курка.

Том медленно поднял узкую сухую ладонь с длинными пальцами, призывая к тишине, хотя в сторожке и так было слышно лишь прерывистое дыхание Лиама. Он указал на свободное место между собой и Марком. Платиновые пряди упали на лоб парня, на мгновение скрыв его неестественно светлые глаза, но Ева и без того чувствовала на себе его пристальный, ледяной взгляд.

— Руки, — скомандовал Том.

Ева неохотно протянула ладони. С одной стороны её пальцы сжала горячая, властная рука Марка, с другой костлявая и ледяная ладонь Тома. Как только их пальцы переплелись, воздух в комнате ощутимо загустел, став вязким, как сироп. Свеча в центре стола вспыхнула высоким, неестественно ровным синим пламенем.

— Сегодня мы пойдем глубже, — заговорил Том, и его голос начал вибрировать, резонируя с самими стенами сторожки. — Одиночная воля слабее общей.

Он начал читать заклинание. Слова были похожи на хруст ломающихся костей, они не принадлежали ни одному живому языку. Ева почувствовала, как её собственная сила, которую она так старательно подавляла весь день, рванулась наружу. Она текла по её венам, раскаляя кровь, и уходила в Марка, передавалась Эмме, возвращаясь от Тома еще более тяжелой и темной.

В центре круга Лиам вдруг выпрямился. Его голова неестественно откинулась назад, а зрачки расширились так, что радужка почти исчезла.

— Смотрите на него, — прошептал Том, и Ева почувствовала, как его пальцы до боли впились в её кисть. — Наполните его.

Том перешел на низкий, гортанный рев. Ева видела, как между ними начали натягиваться тонкие, едва заметные нити сизого дыма. Они опутывали Лиама, стягиваясь вокруг его плеч и рук, как невидимые путы.

— Возьми нож, Лиам, — произнес Том. Его голос теперь звучал не снаружи, а в самом мозгу Евы, тихим эхом.

Лиам медленно, толчками, как сломанный автомат, потянулся к столу. Его лицо было лишено эмоций, но по щеке катилась одинокая капля пота. Когда его пальцы сомкнулись на рукоятки охотничьего ножа, Ева ощутила чудовищный прилив чужой воли. Она чувствовала Лиама как саму себя: его оцепенение, его беспомощность, его запертый глубоко внутри крик. Мышцы Евы свело судорогой от этого фантомного подчинения, зубы застучали, а перед глазами поплыли багровые круги. Она сама словно задыхалась в этой невидимой петле, чувствуя, как сознание Лиама бьется в глухих застенках его же собственного тела, тщетно пытаясь разжать пальцы, намертво прикипевшие к холодному металлу.

Лиам поднял руку. Клинок блеснул в синем пламени свечи. Медленно, дюйм за дюймом, он поднес острое к собственной шее, прямо к пульсирующей жилке.

— Ещё, — выдохнула Эмма, её лицо исказилось в экстазе. — Надави.

Ева видела, как лезвие коснулось кожи. Маленькая красная капля сорвалась и потекла вниз, упала на воротник его футболки, расплываясь багровым пятном. В момент она поняла, что они не шутят. Что Марк и Том наслаждаются этой властью, и что жизнь Лиам для них лишь топливо для этого эксперимента.

— Хватит... — выдохнула Ева, но её голос потонул в нарастающем гуле магии.

Она видела, как Лиам, подчиняясь их общему давлению, начинает сильнее вдавливать сталь в плоть.

— Прекратите! — закричала она, вкладывая в этот крик всю свою ярость, всё отвращение к себе и к ним.

Она ударила своей силой по связи, как топором. Раздался резкий хлопок, похожий на взрыв петарды. Магический купол лопнул, осыпая их невидимыми колющими искрами. Свеча погасла, погружая сторожку в пыльный серый сумрак.

Круг разорвался. Тома отбросило назад вместе со стулом, Эмма вскрикнула, прижимая руки к груди. Лиам рухнул на колени, нож со звоном отлетел в угол.

В тишине было слышно только тяжелое, загнанное дыхание Евы. Она стояла, опираясь руками о стол.

— Вы больные... — прохрипела она, переводя взгляд с торжествующего Марка на ошарашенного Тома. — Какого черта вы делаете? Вы что, хотите повторения? Хотите еще одной смерти?!

В сторожке повисла тяжелая, душная тишина. Лиам на полу судорожно глотал воздух, одной рукой касаясь шеи, там, где лезвие оставило тонкую красную нить. Он смотрел перед собой широко открытыми, ничего не выражающими глазами.

— Эй, Ева, ну ты чего? — голос Лиам дрожал, но он попытался выдавить подобие улыбки. — Это же просто... ну, практика. Контроль. Это просто шутка такая, проверка сил. Мы же не всерьез, ты чего завелась?

— Шутка? — Ева выпрямилась, её голос сорвался на высокой ноте. — Ты чуть не вскрыл себе горло, Лиам! Какая, к черту, шутка? Вы сидите здесь и играете в богов, пока один из нас чуть не стал очередным «несчастливым случаем»!

Марк, который до этого стоял неподвижно, медленно выпрямился. Он не выглядел виноватым, скорее, раздосадованным, как человек, чей важный эксперимент прервали на самом интересном месте.

— Ты всё портишь, Ева, — тихо сказал он, делая шаг к ней. — Мы учимся управлять тем, что в нас есть. Если мы не будем этого делать, магия сама сожрет нас, как сожрала Джека.

— Нет, Марк, — она покачала головой, пятясь к двери. — Это не магия его сожрала. Это вы. Это мы. И вы продолжаете это делать. Да пошли вы все со своими шутками!

Она рванула дверь на себя и вылетела наружу.

— Ева! Постой! — Эмма выскочила следом. Её рыжие волосы спутанным облаком метались за спиной. Она нагнала Еву у самой тропинки и крепко схватила за локоть. — Да остановись ты!

Ева резко обернулась, вырывая руку.

— Не трогай меня.

— Ну почему ты всегда так реагируешь? — Эмма сложила руки на груди. — Мы же одна семья теперь. Нам больше не на кого положиться. Тебе нужно просто перестать себя винить, слышишь? Это был несчастный случай. Джек... он просто не справился с потоком. Никто не виноват.

— Не виноват? — Ева горько усмехнулась. — Ты сама-то веришь в это вранье, Эмма? Мы стояли и смотрели, как он тонет. Мы не помогли, потому что были слишком заняты тем, что чувствовали «силу».

— Хватит! — выкрикнула Эмма. — Живым нужно жить дальше. А ты только и делаешь, что тянешь нас назад в ту ночь!

— Значит, мне здесь не место, — отрезала Ева и, не оборачиваясь, бросилась бежать по тропинке, пока ветки деревьев хлестали её по лицу, заматавая следы её слез.

Ночь за окном была густой и душной, как чернильное облако. Ева лежала поверх одеяла, не снимая джинсов, и смотрела, как тени от листьев за окном медленно ползут по потолку. Сон не шел, сознание было слишком взвинченным, а магия, разбуженная в сторожке, всё еще покалывала кончики пальцев.

Тюк.

Короткий звук удара о стекло заставил её подскочить. Сердце мгновенно пустилось вскачь, ударяя в ребра. Ева знала этот звук.

Тюк. Тюк-тюк.

Она подошла к окну и осторожно отодвинула занавеску. Внизу, в пятне тусклого света от уличного фонаря, стоял Марк. Он выглядел почти нереальным в этом полумраке: темная куртка, руки в карманах, голова закинута назад. Заметив её в окне, он не улыбнулся, просто коротко мотнул головой в сторону своей машины, припаркованной чуть поодаль, в тени деревьев.

— Опять, — прошептала Ева, зажмуриваясь на мгновение.

Она хотела остаться. Хотела лечь и проигнорировать его, но знала, что Марк не уйдет. Он будет стоять там до рассвета, бросать камушки, пока не разобьет стекло или пока отец не выйдет на шум. Она чувствовала его присутствие каждой клеткой кожи: тяжелое, настойчивое, как натяжение той самой невидимой лески.

Ева сунула ноги в ботинки, накинула куртку и, стараясь не скрипеть ступенями, спустилась вниз. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком.

На улице было прохладно, но воздух казался тяжелым. Марк не шелухнулся, когда она подошла. Вблизи его лицо казалось еще более резким, а в глазах застыла какая-то лихорадочная решимость.

— Садись, — коротко бросил он, кивнув на пассажирское сиденье своего черного седана.

— Уже поздно, Марк. Мне не о чем с тобой разговаривать.

— Садись, Ева. Мы не закончили.

В его голосе была та самая вязкая уверенность, которая лишала её воли. Она молча обошла машину и села внутрь. Салон пах старой кожей и горьким табаком. Скорее всего Лиам оставил на заднем сидении пустую пачку из под сигарет, куда стряхивал пепел.

Как только она захлопнула дверь, он рванул с места. Двигатель взревел в ночной тишине, и машина стрелой вылетела с их сонной улицы.

Городские кварталы сменились загородным шоссе, Марк свернул на узкую грунтовку, ведущую к обрыву над заливом. Ева молча смотрела в окно на мелькающие черные силуэты деревьев. Колеса затормозили у края обрыва, там, где земля обрывалась вниз, к невидимой в темноте воде. Марк заглушил мотор, но фары оставил включенными. Два мощных луча прорезали пустоту над пропастью.

— Ты недовольна тем, что было в сторожке?

— Ты видел Лиам? Ты видел его глаза? Мы чуть не убили его!

— Мы учимся! — Марк развернулся к ней, его лицо исказилось. — Ты думаешь, колледж тебя спасет? Ты думаешь, там ты станешь нормальной? Ты не сможешь скрыть то, что в тебе сидит. Тебя потянет назад, к нам. К этой силе.

— Это ты меня тянешь, — процедила она. — Ты не даешь мне дышать.

Марк молчал несколько секунд, глядя на её дрожащие губы. Его взгляд медленно изменился, ярость начала плавиться, превращаясь во что-то другое, более опасное и темное. Он медленно протянул руку и коснулся её щеки.

— Нет, — выдохнула Ева, пытаясь отстраниться. — Не трогай.

Девушка дернула головой, сбрасывая его ладонь, нащупала ручку двери и рванула ее на себя. Прохладный ночной воздух ворвался в машину, вытесняя тяжелый запах его одеколона и давящее присутствие. Она вывалилась наружу, едва не подвернув ногу на гравии, и захлопнула дверь с такой силой, что машина покачнулась.

Она услышала, как хлопнула дверь; быстрыми шагами Марк обошел машину и преградил ей путь. Ева попыталась рвануться в сторону, но он тут же перехватил её, заключая в кольцо своих рук.

— Отпусти! — выкрикнула она, упираясь ладонями в его грудь. Она отчаянно извивалась, пытаясь вырваться из этих тисков.

— Ева, тише... Успокойся, — горячее дыхание обожгло мочку уха, и она почувствовала, как по шее побежали мурашки: противные, колючие, непрощенные.

— Не трогай меня! — Она ударила его кулаком в плечо, но он лишь сильнее сжал объятия, лишая её возможности двигаться.

Он прижал её к себе и она почувствовала бешеный ритм его сердца. Сопротивление Евы постепенно захлебывалось в его напоре. Марк уткнулся лицом в её волосы, с жадностью вдыхая их запах.

— Успокойся, прошу тебя.

Ева замерла, тяжело дыша. Её силы иссякли, и она обмякла в его руках, чувствуя, как по спине пробежал холод. Она опустила голову, лбом упёршись ему в ключицу, и услышала, как его сердце постепенно замедляется.

Марк на мгновение отстал, чтобы поймать её взгляд. Его рука скользнула с её талии вверх, к затылку, пальцы запутались в волосах, заставляя Еву слегка запрокинуть голову.

— Не отталкивай меня, — его лоб коснулся её лба, и она почувствовала, как подрагивают его ресницы. — Пожалуйста, Ева.

Он медленно опустился к её лицу, давая ей последнюю секунду на побег, обжигая её губы рваным, неровным дыханием. Ева почувствовала, как по телу прошла электрическая судорога, и её пальцы вцепились в его плечи, сминая ткань кожаной куртки.

Его грубая ладонь соскользнула с её талии и медленно, почти вызывающе, нырнула под край её футболки. Кожа под его пальцами горела, каждый сантиметр, которого он касался, вспыхивал, как спичка. Ева громко вздохнула, когда его пальцы коснулись обнаженной кожи. По телу пронеслась колючая волна, и под его ладонью рассыпались мелкие, колкие мурашки.

Когда его пальцы собственнически сжали её кожу под одеждой, она резко отвернула голову, разрывая поцелуй и жадно глотая влажный воздух.

— Марк, хватит!

Она рванулась всем телом, пытаясь выскользнуть из его захвата. Звук пощечины прозвучал в ночной тишине хлестко и оглушительно. Ладонь обожгло, пальцы загудели от удара, она ударила сильнее, чем хотела. Ева замерла, глядя на свою руку, всё ещё застывшую в воздухе, словно не веря, что это сделала она.

Марк замер, его голова дернулась в сторону от удара. На щеке медленно проступал багровый след. Он перевел взгляд с её лица на ладонь, которую она несколько раз сжала и разжала.

В первые секунды в его глазах полыхнуло нечто первобытное и страшное. Он медленно повернул голову обратно, и Ева внутренне сжалась, готовая к худшему. Она знала, что Марк не умел проигрывать; с самого детства, когда они еще гоняли на велосипедах по пыльным окраинам, любое сопротивление лишь подстегивало его. Но сейчас он сделал глубокий, свистящий вдох через нос, и эта вспышка чудовищным усилием воли была загнана обратно.

Глава 3

— Нравится драться? — прежде чем она успела вскрикнуть, Марк подхватил её под бедра.

Одним рывком он поднял её в воздух, лишая опоры, и усадил на разогретый капот «Мустанга». Ева охнула, почувствовав бедрами жар двигателя, который еще не успел остыть.

— Отпусти! Марк, ты с ума сошел! — она забарабанила пятками по бамперу, пытаясь оттолкнуть его, но он вклинился между её коленями, наваливаясь всем телом.

Он перехватил её запястья, с силой прижимая их к капоту по обе стороны от её головы, наклонился к её лицу, почти касаясь своими губами её губ, и Ева почувствовала, как от его близости по коже снова пробежала электрическая судорога.

Ева дернулась словно в попытке вобрать в себя этот невыносимый напор. Ее тело, предав здравый смысл, само подалось навстречу, выгибаясь на горячем металле. Она коснулась его губ своими, дразняще, почти случайно. Марк издал низкий, гортанный звук, и его язык медленно, с тягучим давлением, облизал ее нижнюю губу. Ева всхлипнула, чувствуя, как внутри все стягивается в тугую, пульсирующий узел. Жар от капота машины теперь казался ледяным по сравнению с тем пожаром, который Марк разжигал в ней своим телом.

Каждый его вдох, каждый миллиметр его кожи, прижатый к ней, отзывался электрическим разрядом, который бил прямо в низ живота, заставляя мышцы непроизвольно сокращаться. Ее пальцы, все еще прижатые его хваткой к капоту, судорожно скребли по металлу, пока она пыталась не захлебнуться в этой волне первобытного, темного желания. Она чувствовала его коленями, чувствовала, как его сердце колотит по ее ребрам, и эта бешеная пульсация отдавалась во всем теле, превращая кровь в расплавленный свинец.

Марк медленно, мучительно долго вел губами по ее подбородку, едва касаясь кожи, но оставляя за собой след из чистого пламени. Его щетина слегка покалывала, усиливая и без того зашкаливающую чувствительность. Ева громко выдохнула, когда он переместился к уху, а затем плавно спустился к шее. Ее дыхание стало рваным и тяжелым. Она бессознательно запрокинула голову, подставляя под его горячие губы обнаженную линию горла.

Он снова пополз поцелуями вверх, к ее скуле, обжигая дыханием кожу. Его лицо было совсем рядом, он уже почти коснулся ее губ в новом, еще более требовательном поцелуе, когда воздух между ними разорвал резкий, навязчивый звук.

Он неохотно оторвался от её губ, и Ева увидела, как на его лице проступили желваки. Сжав челюсть так сильно, что на щеках обозначились жесткие линии, Марк выпустил её запястья. Его рука, всё еще горячая и дрожащая от напряжения, нырнула в тесный карман джинсов.

— Черт бы тебя подрал, — прохрипел он, едва сдерживая ярость.

Резким движением он выхватил телефон и, даже не глядя на экран, смахнул вызов. Он продолжал нависать над Евой, удерживая её в плену своего тела на капоте, пока подносил трубку к уху. Его взгляд оставался прикованным к её губам, которые всё еще влажно поблескивали в темноте.

— Блять, что там у тебя снова?

Ева увидела, как его лицо из хищного и расслабленного стало жестким и сосредоточенным. Он резко выпрямился, разрывая их физический контакт так внезапно, что она почувствовала холод там, где только что было его тело.

— Что значит не можешь дышать? — Марк запустил свободную руку в коротко стриженные волосы, нервно взъерошивая их. — Твою мать, Лиам... Буду минут через двадцать, держись там.

— Что там? Что с ним? — Ева соскользнула с капота.

— Лиам звонил. Просит приехать, говорит, что ему хреново. Еле слова выговаривает, — он коротко кивнул в сторону водительской двери. — Я отвезу тебя домой, а потом сразу к нему.

— Нет. Это слишком долго, мы потеряем полчаса на круги по городу. Поехали сразу к нему, мало ли что там случилось. — Ева дернула ручку пассажирской двери.

Она запрыгнула в салон, и Марк сорвался с места, не дожидаясь, пока она пристегнется. Воздух всё еще казался наэлектризованным: кожа Евы горела в тех местах, где её касались его руки, а губы покалывало от недавнего натиска. Она отвернулась к окну, глядя на проносящиеся мимо размытые огни пригорода, и старалась дышать ровнее.

Они свернули в частный сектор, где фонари светили через один. Дом Лиама показался из темноты, приземистое, неудобное здание с облупившейся краской и густыми зарослями сорняков у крыльца. Единственное окно на втором этаже тускло светило желтым.

Марк затормозил так резко, что гравий брызнул из-под колес. Он заглушил мотор, и наступившая тишина показалась еще более злобещей. Ева выскочила из машины, взглянула на заваленное старым хламом крыльцо и почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Лиам! — крикнул Марк, взбегая по ступеням и толкая незапертую дверь, которая скрипнула, впуская их внутрь.

Внутри дом Лиама встретил их спертым, тяжелым воздухом, в котором отчетливо читалась смесь перегара, застоявшегося табачного дыма и дешевой лапши быстрого приготовления.

В полумраке прихожей взгляд выхватывал разбросанную обувь и гору старых курток на вешалке, которая покосилась под их весом. На кухонном столе, видневшемся через открытый дверной проем, громоздилась немытая посуда и россыпь пустых жестяных банок из-под пива, поблескивающих в свете уличного фонаря.

— Лиам! Ты где? — голос Марка эхом отразился от голых стен, по которым тянулись трещины на старых обоях.

Из глубины коридора, со стороны ванной, послышался приглушенный, мучительный звук: надрывный кашель, переходящий в хриплые позывы к рвоте.

Ева двинулась следом, стараясь не смотреть на грязные разводы на полу и липкие пятна на линолеуме. Они вошли в тесную ванную комнату, освещенную одной-единственной голой лампочкой. Лиам сидел на холодном кафеле, вцепившись побелевшими пальцами в края унитаза. Его трясло так сильно, что зубы стучали, а лицо в мертвенном свете казалось почти серым, с глубокими тенями под глазами.

— Господи, Лиам... — прошептала Ева, замирая в дверях.

Ей стало тошно не от запаха, а от осознания того, насколько глубоко этот семнадцатилетний парень уже успел утонуть в собственной безнадежности. Марк, отбросив всякую брезгливость, подскочил к нему и схватил за плечи, пытаясь удержать его голову.

Лиама выгнуло дугой. Его тело прошибла мощная судорога; пальцы, до этого сжимавшие край унитаза, сорвались, и он начал заваливаться на бок. Марк перехватил парня, рванув его на себя, но голова Лиама безвольно мотнулась.

Он волоком вытащил его из тесной ванной в более просторную гостиную, где среди разбросанных вещей было хоть немного места. Марк опустил его на ковер и одним движением перевернул на бок. Лиама продолжало бить; костяшки его пальцев белели, а изо рта вырвался хриплый, захлебывающийся звук.

— Ева, держи его за плечи! Не давай перевернуться на спину!

Девушка упала на колени рядом, её ладони вцепились в дрожащие плечи парня. От него исходил жар, перемешанный с ледяным потом, и эта вибрация его тела передавалась ей, прошивая насквозь.

Марк рванул дверцу кухонного шкафа, та едва не слетела с петель, и выудил пластиковый бокс с красным крестом. Не пытаясь открыть защелку, он перевернул аптечку над полом. Содержимое с грохотом рассыпалось: бинты, пустые блистеры, старые термометры и разно-

цветные капсулы запрыгали по линолеуму. Он лихорадочно рылся в этом хаосе, отбрасывая в сторону всё лишнее, пока его пальцы не наткнулись на нужную ампулу.

Парень действовал с пугающей, автоматической точностью. Одной рукой он прижал Лиаму к полу, а другой резким, почти звериным движением поднес упаковку одноразового шприца к лицу. Раздался треск пластика: он разорвал обертку зубами, сплюнув её на пол.

Следом в его зубах оказалась тонкая шейка стеклянной ампулы. Раздался сухой, неприятный хруст. Марк выплюнул осколок стекла и, не обращая внимания на порез на губе, из которого тут же выступила капля крови, быстро набрал прозрачную жидкость в шприц.

Лиаму снова выгнуло, его зубы клацнули в опасной близости от пальцев Евы. Она вскрикнула, сильнее прижимая парня к коврику, её всю трясло от ужаса.

— Марк, он... он не задохнется?!

— Просто держи его, — голос Марка звучал на удивление ровно, хотя желваки на его лице ходили ходуном. — Всё будет хорошо. С ним такое не в первый раз, это просто приступ.

Марк вогнал иглу через ткань старых домашних штанов Лиамы, в плотную мышцу бедра. Лиам глухо взвыл, дернулся в последний раз и начал медленно обмякать в руках Евы. Напряжение, которое выкручивало его суставы, стало уходить, сменяясь тяжелой, ватной слабостью.

— Вот так... — выдохнул Марк, вытаскивая шприц и отбрасывая его в сторону.

Марк подхватил Лиаму под мышки, рывком поднимая его обмякшее тело с пола. Ноги парня безвольно волочились по ковру, задевая рассыпанные таблетки и пустые блистеры. Из коридора доносилось тяжелое дыхание Марка и приглушенный скрип половиц, когда он затаскивал друга в спальню.

Ева осталась сидеть на коленях посреди разгрома. Она прикрыла ладонями глаза, чувствуя, как под веками всё еще пляшут жуткие кадры конвульсий, заставила себя сделать глубокий вдох, потом еще один, пытаясь унять бешеную пульсацию в висках и прогнать подступившую к горлу тошноту.

Когда зрение перестало плыть, она поднялась, пошатываясь. Воздух в гостиной был настолько густым и кислым, что казался почти осязаемым. Ева подошла к окну, заваленному какими-то старыми газетами и пыльными дисками, и с усилием рванула створку на себя.

Рама поддавалась со скрипом. В лицо ударил резкий, спасительный поток ночной прохлады. Запах сырой земли, свежести и близкого леса хлынул в комнату, вступая в борьбу с застоявшимся духом перегара. Ева замерла у окна, жадно глотая этот воздух и глядя на темные силуэты деревьев во дворе.

За её спиной послышались тяжелые шаги, Марк вернулся из спальни. В его руках был пустой стакан, который он механически вертел в пальцах.

— Он вырубился, — парень остановился посреди комнаты. — Теперь проспит часов десять, не меньше.

— Где его отец? — Ева продолжила всматриваться в темноту двора. — Как долго его нет дома?

— А я откуда знаю? — Марк тяжело вздохнул. Позади послышался глухой стук: он поставил стакан на липкую поверхность стола. — День, два, неделю. Может уже сдох.

— Не говори так, Марк, — Ева резко обернулась. — Это всё-таки его отец. Какой бы он ни был.

Марк лишь криво усмехнулся и медленно качнул головой, словно стряхивая с себя остатки сочувствия, и засунул руки в карманы куртки.

— Поехали. Отвезу тебя.

Дорога назад пролетела в рваном ритме: Марк то резко разгонялся на пустых перекрестках, то почти полностью сбрасывал скорость, словно впадая в оцепенение. Синее свечение приборной панели подчеркивало острые углы его лица, делая его похожим на мертвеца.

Марк не стал подъезжать к самому крыльцу. Он притормозил в паре домов от её участка, в тени раскидистого старого клена. Мотор «Мустанга» заглох с тяжелым вздохом, и на салон навалилась тишина.

Марк открыл свою дверь, и в салон ворвался свежий ночной воздух. Обойдя капот, он подошел к пассажирской стороне и распахнул дверцу перед Евой.

Но она не двинулась с места. Девушка еще сильнее вжалась в кожаное сиденье, словно пытаясь слиться с ним. Взгляд неподвижно застыл на приборной панели, где все еще мерцали синие цифры.

Марк помедлил секунду, а затем медленно опустился на корточки у открытой двери, оказавшись на одном уровне с ней. Его колено коснулось порога машины, а рука легла на край сиденья, совсем близко к ее бедру.

Ева медленно повернула голову.

— Ты когда-нибудь оставишь меня в покое?

— А ты этого сама-то хочешь? — Он переплел её пальцы со своими и поднес лицу, едва касаясь кончиками губ.

Она выдернула руку, словно обжегшись о его дыхание.

— Дай мне выйти.

Марк замер на секунду, вглядываясь в неё, словно пытался запомнить каждую черточку лица в этом скудном свете. Затем поднялся во весь рост, отступая на шаг от двери и освобождая ей путь. Его фигура мгновенно слилась с тенью огромного клена, делая его почти невидимым.

Ева соскользнула с сиденья, стараясь даже случайно не задеть Марка. Ночной воздух обжег легкие, вытесняя запах кожаного салона и его парфюма. Она не оглянулась, знала, что если посмотрит назад, то может уже не найти сил уйти. Сделав глубокий вдох, она быстрым шагом направилась к своему дому, чувствуя на затылке тяжелый, не моргающий взгляд, который провожал её до самого крыльца.

Дверь закрылась за ней с глухим щелчком. Но стоило ей обернуться, как она едва не вскрикнула: в тусклом свете прихожей, прислонившись к дверному косяку, стоял отец. Его лицо было сонным, строгим, а руки скрещены на груди.

— Ты время видела?

— Пап... это Эмма. Мы просто... я вышла буквально на пару минут, — Ева замерла, сжимая в руках ключи.

— Я видел, с кем ты была, Ева. — Отец медленно покачал головой, не сводя с неё тяжелого взгляда. — Что, вы теперь снова вместе? У тебя впереди колледж, будущее, нормальная жизнь. Не позволяй этой сомнительной дружбе встать у тебя на пути.

— Папа, я просто...

— Довольно, — он жестко оборвал её. — Еще раз увижу, что ты шляешься по ночам с этой компанией на меня не обижайся.

Глотая подступившие слезы, она бросилась к лестнице, едва не спотыкаясь на ходу. Оказавшись в своей комнате, она с силой захлопнула дверь и, не раздеваясь, рухнула на кровать. Девушка с силой зарылась лицом в подушки, пытаясь заглушить рвущийся наружу стон отчаяния.

Сон так и не пришел. Ева ворочалась с боку на бок, сминая простыни, но как только она закрывала глаза, перед ней всплывала одна и та же картина: серое лицо Лиамы и Марк, вгоняющий иглу в его бедро. Тяжелые мысли липли к ней, как мокрая одежда.

Едва рассвело, она схватила телефон. Большой палец завис над именем Лиамы в списке контактов. Сердце пустилось вскачь, ей отчаянно нужно было услышать его голос, убедиться, что он проснулся, что он жив. Но в последний момент она одернула руку.

Она боялась, что её звонок станет напоминанием о его позоре. Или, что еще хуже, трубку возьмет Марк. Ева швырнула телефон на другой конец кровати, но через пять минут снова

потянулась к нему. И так по кругу, час за часом, пока солнце не начало заливать комнату бледным утренним светом.

Из-за двери доносились привычные звуки: шум кофемашины, негромкий ропот телевизора, звон ключей. Ева замерла, вслушиваясь в каждый шорох. Она не могла заставить себя выйти. Только когда внизу хлопнула входная дверь и заурчал мотор отцовской машины, увозя родителей на работу, Ева наконец выдохнула.

Часы на прикроватной тумбочке безжалостно отсчитывали минуты. Когда цифры замерли на 10:00, Ева поняла, что больше не выдержит этой неизвестности. Дрожащими пальцами она отыскала телефон в складках одеяла и нажала на вызов.

Трубку сняли не сразу. Долгие, мучительные гудки били по барабанным перепонкам, и Ева уже была готова сбросить звонок, решив, что он снова впал в забытие, когда на том конце раздалось тяжелое шуршание.

— Да... — голос Лиамы был почти неузнаваемым. Слишком тихий, надтреснутый и такой хриплый, будто он всю ночь кричал или глотал битое стекло.

— Лиам? — Ева непроизвольно сжала телефон обеими руками, подаваясь вперед. — Это я. Ты как?

Послышался сухой, болезненный вдох. Лиам явно пытался сменить положение, потому что в трубке раздался скрип старых пружин и его приглушенное шипение.

— Ева... — он произнес ее имя так, словно выталкивал его через силу. — Черт, голова... Такое ощущение, что по ней проехался товарный состав. Причем дважды.

— Ты помнишь, что произошло? — осторожно спросила она, закусывая губу.

— Помню, как всё начало кружиться, — Лиам замолчал, и Ева услышала, как он с трудом сглатывает. — А потом пустота. Провал.

— Ладно, — выдохнула она, понимая, что сейчас он не в состоянии вести долгие беседы. — Давай, приходи в себя.

— Угу... — донеслось с того конца, почти неразличимое, затихающее.

Ева нажала на красную иконку, и экран телефона погас, отразив её лицо.

Тишина дома была нарушена резким, нетерпеливым стуком в дверь. Ева вздрогнула, выходя из оцепенения. Она не ждала гостей, и первая мысль, безумная и пугающая, была о том, что это Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.